

**ИЗ ИСТОРИИ РАБОТЫ АППАРАТА
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
(ГЛАЗАМИ ПРАКТИКА)
(Продолжение)¹**© 2009 г. В. Н. Ершов²**Принятие Устава железных дорог**

Изрядно мне пришлось потрудиться над Уставом железных дорог. Обширный документ, содержащий ряд разделов, готовился в Министерстве путей сообщения разными людьми с участием соответствующих работников других министерств и ведомств. Споры, возникавшие в процессе работы, решались каждой группой в отдельности, а результаты дискуссий не всегда согласовывались с работниками других групп. В итоге в проекте оказалось немало повторений, противоречий и других накладок. Проект дважды рассматривался на заседании Президиума Совмина, но каждый раз возникала необходимость в тщательном редактировании некоторых его положений. Тем не менее и в третий раз проект был представлен в Совмин с определенными огрехами. При докладе этого вопроса Управляющему делами Г.С. Степанову я попросил дать нам недельный срок для приведения документа в надлежащий вид. «Нет никаких возражений», – ответил Георгий Семенович. В тот же день собралась группа специалистов соответствующих министерств и ведомств, участвовавших в подготовке этого проекта, и мы засели за работу по уплотненному графику. В конце третьего дня нашей напряженной работы мне позвонил старший референт А.С. Бондаренко, возглавлявший референтуру по транспорту, и сказал: «Я ни разу не задерживал выпуск любого проекта решения, принятого Президиумом, больше, чем на три дня. Заканчивайте работу. Проект надо выпускать». «Ну что ж, если Вы так настаиваете, то выпускайте», – ответил я. «А Вы мне завизируете его?» – спросил Бондаренко, на что я ему ответил: «Конечно же, нет. В таком виде его визировать и выпускать нельзя». Бондаренко сразу же рассвирепел, угрожая, что он будет жаловаться на меня М.С. Смиртюкову. И действительно, вскоре мне позвонил Смиртюков, и стал спрашивать: «Почему Вы задерживаете Устав железных дорог? Почему не даете его на выпуск?» Я пояснил Смиртюкову, что проект Устава уже дважды пытались доработать и отредактировать, но

этого не произошло. В этой связи я попросил Г.С. Степанова дать нам недельный срок, чтобы тщательно выполнить необходимую работу в нашем аппарате, и он дал на это согласие. «Сейчас вот уже 9 часов вечера, а мы все еще работаем. И зря Вам Бондаренко жалуется. Лучше было бы, если и он пришел бы к нам и поработал здесь, тогда бы увидел, какие «авгиевы конюшни» нам приходится чистить». «А разве он с Вами не работает?» – спросил Михаил Сергеевич. «К сожалению нет», – ответил я. «Тогда я сейчас ему скажу, что бы и он принял участие в этой работе», – заключил разговор Смиртюков. Получился своего рода эффект «бумеранга». Его жалоба на меня обернулась упреком руководства в его собственный адрес, что странным образом сказалось на его последующем поведении. К нам он, конечно, не пришел, но зато, когда мы закончили свою работу и все завизировали отработанный проект устава, он визировать его отказался, хотя представитель его отдела, работавший с нами, проект завизировал. Бондаренко обвинил нас в том, что мы неосновательно исключили из проекта три принципиально важных для железнодорожного транспорта положения, на восстановлении которых он настаивал. Попытки убедить его в том, что эти положения касаются полномочий других государственных органов и не имеют отношения к Уставу, успеха не имели. Пришлось перенести наши разногласия на рассмотрение моего шефа. Зная, видимо о сложности моих взаимоотношений со своим руководством, Бондаренко для начала разразился бурным потоком брани в мой адрес, одновременно восхваляя свои заслуги в сфере железнодорожного транспорта. «Я знаю железнодорожный транспорт – шумел он, – как свои пять пальцев. Я был начальником Прибалтийской железной дороги, я был членом Центрального комитета Компартии Латвии, я был депутатом Верховного Совета СССР, а тут какой-то Ершов, который знает кое-что о железнодорожном транспорте только из окна железнодорожного вагона, пытается учить меня что надо писать в Уставе, а что не надо». Мишунин предпринимал все меры к тому, что бы успокоить Бондаренко и смягчить его негодование.

¹ В прошлом старший референт юридического отдела Совета Министров СССР, кандидат юридических наук.

² Начало см.: Гос. и право. 2009. № 2–4.

Когда же наконец Бондаренко остановился, пришлось отметить, что никто не умаляет его познаний в сфере внутриорганизационной структуры и деятельности железнодорожного транспорта в целом, равно как и отдельных его подразделений. Однако Устав железных дорог регулирует не внутренние, а внешние функции железнодорожного транспорта, главным образом его взаимоотношения с клиентурой: грузоотправителями, грузополучателями, пассажирами. Устав определяет порядок заключения договоров на перевозку грузов и пассажиров, ответственность за соблюдение сроков доставки и сохранности грузов, а так же другие чисто юридические вопросы, в которых я разбираюсь не хуже чем товарищ Бондаренко. Мишунин, что бы прекратить наш спор, предложил мне пойти на уступку в решении одного из трех вопросов с учетом мнения Бондаренко. Речь шла о возложении на местные органы власти функций по поддержанию чистоты и порядка на привокзальных территориях. Я отметил, что Устав не должен определять функции местных советов, но смирился, лишь бы удовлетворить самолюбие Бондаренко и дать ему возможность завизировать проект Устава со спокойной совестью.

Мысли о коллективе

...За нашим столиком в столовой мы стали занимать место для генерала армии А.В. Хрулёва, который, находясь на пенсии, регулярно посещал нашу столовую, чтобы пообедать. Я знал его с того времени, когда он работал заместителем министра в недолго существовавшем Министерстве автотранспорта общего пользования (я вместе с коллегами трудился над подготовкой Устава автотранспорта общего пользования СССР). Уже тогда меня поразил здоровый взгляд Хрулёва на многие вещи и, особенно, на фискальную позицию Министерства финансов СССР, настаивавшего на том, чтобы не возмещать пассажиру, опоздавшему на автобус дальнего следования, никаких потерь, связанных с опозданием, в отличие от того, как частично возмещались такие потери на других видах транспорта. Выслушав мое замечание по этому вопросу и эмоционально крикнув, Андрей Васильевич сказал тогда: «Я не понимаю позиции нашего Минфина. Мы имеем на автотранспорте общего пользования рентабельность в размере 200%. Ни в одной стране мира нет этого. Тем не менее, наше финансовое руководство отказывается вернуть пассажиру, попавшему в беду, хотя бы часть средств, израсходованных им на приобретение билета. Разве можно с этим согласиться?» Надо сказать, что его аргументы тогда подействовали.

Когда же я напомнил ему об этом эпизоде, Андрей Васильевич решил рассказать нам об одном случае из своей послевоенной жизни, имеющем, думается, и исторический интерес. «Я присутствовал однажды, – рассказывал он, – на заседании По-

литбюро, на котором рассматривался, в частности, список лиц, объявляемых врагами народа и подлежащих расстрелу или длительному заключению. В докладе по данному вопросу указывалось, что все они признали свою вину. Когда закончилось заседание, я вышел в приемную и хотел позвонить в гараж, чтобы вызвать машину. Вслед за мной вышли Берия с Маленковым. Берия, увидев меня у телефона, поинтересовался, не машину ли я собираюсь вызывать? Услышав мое подтверждение, он сказал: «Не вызывай, мы тебя с Георгием довезем»». Я поблагодарил их, и мы вышли на улицу. Берия с Маленковым сели на заднее сиденье машины, а я сел рядом с шофером. Стекло, отделяющее заднее сиденье, они не подняли. Поэтому я имел возможность хорошо слышать их разговор, не предназначенный для третьих ушей. А разговор оказался очень щекотливым, и как я считал, смертельно опасным для меня. Свидетелей в таких случаях обычно убивают. Не скрою, что я даже испугался, поскольку после некоторого молчания Маленков, задумавшись над чем-то, вдруг сказал, что не может понять, как мог признаться во вредительской деятельности один из обреченных, которого он давно знал как преданного партии человека. Берия тут же ответил ему в резкой и угрожающей форме: «Георгий, запомни, тебя возьмем, и ты признаешься». После этого наступило тревожное молчание. Было ясно, что слова, сказанные Лаврентием, свидетельствуют о том, что Маленков ходит у него под пятой и их отношения, внешне выглядевшие как дружба, далеко не были таковыми. Потому-то не было ничего странного в том, что Маленков после смерти Сталина так охотно поддерживал Хрущёва в намерении арестовать Берия и отдать его под суд. Со стороны Маленкова это не было предательством «дружбы с Берия», как пишут об этом некоторые авторы. Данный поступок диктовался реальным знанием палаческих качеств Берия и опасной угрозы с его стороны не только самому Маленкову, но и другим деятелям тогдашнего руководства.

Кстати, Маленкова в предательстве по отношению к отцу обвиняет и Серго, сын Берии, который в своей книге «Мой отец Берия» пытается сделать все, чтобы выгородить своего родителя, отвергая упреки в его адрес в черных замыслах и делах. Но, как говорят о таких случаях в народе, «черного кобеля не отмоешь до бела». Он много раз повторяет в книге, что, обвиняя его отца, никто не приводит в доказательство его вины никаких конкретных фактов. Те же факты и даже документы, которые использованы в ряде работ, он запросто объявляет фальшивками. Думаю, что ярким личным свидетельством злых умыслов Берии и осуществлявшихся под его руководством кровавых дел служит приведенный рассказ А.В. Хрулёва. Его

одного достаточно, чтобы понять, каким страшным человеком был Берия.

Но раз я уже коснулся этой темы, то могу привести ставшие мне известными данные о характере взаимоотношений Берия и некоторых других тогдашних лидеров Правительства страны с ответственными работниками правительственного аппарата. Они тоже ярко рисуют облик каждого из них. Мне пришлось как-то выслушать откровение на этот счет одного из наиболее уважаемых мною старших товарищей, работавшего в годы войны и в послевоенные годы руководителем подразделения, курировавшего вопросы развития химической промышленности страны, полковника химических войск М.М. Викторова.

Михаил Маркович рассказывал, что Берия давал задания, как правило, кратко, жестким и требовательным тоном, четко устанавливая срок его исполнения. Он нередко использовал для “подстегивания” свой излюбленный аргумент: “Не выполнишь – расстреляю”. От такой угрозы кровь застыла в жилах, страх сковывал мысль и появлялось желание переложить ответственность на кого-либо другого, привлеченного к этому делу.

Трудно было работать, по его словам, и с Канановичем. Давая то или иное задание, он редко четко формулировал то, чего он хочет. Его мысли разбрасывались и утопали в обилии слов. Но если не удавалось отразить в представленных материалах его замысел, то он начинал кричать, размахивать руками, мог даже швырнуть весь материал на пол с таким расчетом, чтобы страницы рассыпались по всему полу и исполнитель вынужден был бы, согнувшись, подбирать их поодиночке. Он же вдобавок мог надавать “виновному” несколько тумаков по спине.

Для сравнения Викторова рассказал мне, как однажды был вызван к М.Г. Первухину, заместителю Председателя Совмина СССР, члену Президиума ЦК КПСС, и тот, обратившись к нему, сказал: “Милый Викторов, нам с Вами необходимо во что бы то ни стало сделать к утру то-то и то-то. Это задание лично товарища Сталина. Я надеюсь, что Вы меня не подведете”. Я вышел из его кабинета, вспоминал Викторова, как бы летя на крыльях, и готов был горы свернуть, чтобы сделать все с творческим вдохновением. Конечно, я не подвел Михаила Георгиевича, и он остался доволен моей работой. Слова “милый Викторов”, а также “нам с Вами” – эти слова звучали в моей душе как песня и они вдохновляли меня.

Такими разными были эти люди, тогдашние наши руководители.

Эпизод, связанный с академиком Ю.А. Овчинниковым

В связи с повышением требовательности со стороны Н.А. Косыгина к качеству подготовки нами проектов постановлений и распоряжений Правительства, мы, в свою очередь, стали требовательнее относиться к документам, представляемым министерствами и ведомствами. Поскольку же в последние годы работы Косыгина на посту Председателя Совмина СССР министерства и ведомства стали чаще обращаться со своими вопросами, подлежащими решению на правительственном уровне, не в Совмин, а в ЦК КПСС, где получить одобрение, при наличии договоренности руководителя ведомства с кем-то из членов Политбюро, было легче, наша требовательность распространилась и на проекты, присылаемые из ЦК для оформления и выпуска в свет. Сложившееся, не без активного участия в этом работников аппарата ЦК, мнение, будто документы, одобренные Секретариатом ЦК, а тем более утвержденные на Политбюро, не подлежат каким-либо исправлениям, оказалось поколебленным. Во всяком случае, отдельные такие документы исправлялись, и весьма существенно, не один раз.

Особенно запомнился случай с утвержденным на Политбюро проектом постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам развития микробиологии и биотехнологии. Проект готовился в образованном по этой тематике Совете при Президиуме Академии наук, возглавлявшемся вице-президентом АН СССР Ю.А. Овчинниковым, и предварительно присылался к нам на согласование. Для рассмотрения моих замечаний по проекту к нам приглашался ученый секретарь указанного Совета, кандидат химических наук Старовский, сын бывшего начальника ЦСУ СССР. Слушая мои замечания, и убеждаясь в том, что они в ряде случаев касаются существа проекта, он взмолился: “Владимир Николаевич, я не уполномочен вице-президентом давать согласие на внесение исправлений, затрагивающих существо проекта. Я рассчитывал, что Ваши замечания будут касаться только редакционных вопросов. Обещаю Вам, что обо всех Ваших замечаниях я доложу Юрию Александровичу”. На том мы и расстались.

Через какой-то промежуток времени мой напарник, курировавший к тому времени вопросы АН СССР, ст. референт В.М. Пацкевич принес мне на визу отпечатанное на бланке постановление, уже утвержденное на Политбюро. Моим первым вопросом к нему был вопрос, учтены ли наши замечания? Он сказал, что редакционные замечания все учтены, а те, которые затрагивали существо проекта, остались неучтенными. Я сказал ему, что выпускать в таком виде постановление нельзя. На его возражение, что мы не имеем права задерживать выпуск постановления, утверждено-

го на Политбюро, более трех дней, пришлось сказать, что надо договориться с Москвичёвой, заведующей особым сектором, через который проходила вся почта из ЦК, о задержке его выпуска на 6–7 дней, чтобы подготовить докладную записку по этому вопросу для Управляющего делами. Когда он ответил мне, что договариваться об этом не будет, я сам позвонил Москвичёвой и стал вводить ее в курс дела. Она остановила меня вопросом: “Что Вы хотите, Владимир Николаевич?”, на что последовал мой ответ: “Отсрочки выпуска этого постановления на 6–7 дней, чтобы мы могли подготовить записку для Смиртюкова”. “Считайте вопрос решенным”, – сказала она, и я тут же взялся за работу.

Пришлось отбирать наиболее существенные недостатки проекта и подыскивать наиболее убедительные аргументы для наглядного показа их. Поскольку я уже высказывал замечания по проекту этого постановления, сделать это удалось гораздо быстрее, чем я рассчитывал. Когда работа была закончена, я передал подготовленную мною справку с замечаниями к утвержденному на Политбюро постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР Москвичёвой для доклада Смиртюкову. В справке было отмечено, что все указанные замечания были ранее высказаны товарищу, приходившему из Академии наук СССР для ознакомления с ними, но оказались неучтенными. Справка сыграла свою роль. Михаил Сергеевич, убедившись в весомости замечаний, позвонил К.У. Черненко, который работал тогда заведующим Общим отделом ЦК КПСС и договорился с ним о возврате постановления вместе со справкой в ЦК. В результате все высказанные ранее замечания были учтены и постановление повторно поступило к нам уже в отработанном виде, после чего оно было завизировано нами и вышло в свет.

Спустя несколько дней, когда я взял трубку звонившего в кабинете правительственного телефона, меня спросил незнакомый мужской голос. Когда я ответил утвердительно, он представился мне. “С Вами говорит, – сказал он – вице-президент Академии наук СССР Юрий Анатольевич Овчинников. Здравствуйте!” “Здравствуйте, – ответил я и тут же продолжил: “Разрешите воспользоваться случаем и поздравить Вас с 50-летним юбилеем и высшей правительственной наградой – присвоением Вам звания Героя Социалистического труда!” Об этом буквально за несколько дней до его звонка передавали все средства массовой информации. “Да нет! – смущенно заговорил он. – Я ведь звоню Вам, чтобы поблагодарить за ту помощь, которую Вы оказали нам в устранении дефектов в подготовленном у нас постановлении, и объяснить, почему мы не смогли учесть этих замечаний ранее. Дело в том, что я был с проектом этого постановления в ЦК у товарища Черненко. Он при мне вызвал к себе Байбакова и тот сразу же за-

визировал проект, не читая. Затем Черненко сказал мне: “Оставьте этот проект у меня. Все остальное мы сделаем сами”. После этого я проекта уже не видел. Вот в чем дело”. Я поблагодарил Юрия Анатольевича за внимание и за высокую оценку нашей работы по устранению дефектов в материале, уже утвержденном на Политбюро ЦК.

Работа над проектами по ценообразованию

Проекты решений Правительства по вопросам цен и ценообразования в нашем отделе приходилось рассматривать главным образом мне. Такая практика сложилась с первых лет моей работы в аппарате, когда еще не было в нем специальной референтуры по вопросам цен и ценообразования, а этими вопросами занимались специалисты по проблемам финансирования народного хозяйства. В нашем отделе на этом участке оказался довольно слабо подготовленный товарищ, считавшийся, тем не менее, “знатоком” финансового права. Отраслевики старались его обходить и переключились на меня как на новенького. С образованием в стране Комитета цен в нашем аппарате была создана референтура по вопросам цен.

Кстати, именно по проекту постановления об организации этого Комитета я впервые выступил со своими замечаниями на приеме у А.Н. Косыгина при предварительном рассмотрении им вопросов повестки дня Президиума Совмина с участием работников аппарата. Я сказал, что в своей записке в Совмин авторы проекта не дают глубокого обоснования предлагаемого решения, могущего иметь не только положительные, но и отрицательные последствия. Такое решение нельзя принимать вслепую, не отдавая себе отчета в том, что оно вырывает проблемы цен из единой системы плановых и финансовых показателей развития народного хозяйства. Думается, что до принятия этого решения на рассмотрение Правительства следовало представить ясную концепцию, которая бы раскрывала его смысл и содержала анализ путей достижения позитивных целей и нейтрализации возможных отрицательных последствий. Косыгин спросил: “А почему нельзя после создания Комитета поручить эту работу его председателю?” “Конечно можно, – ответил я, – но если выявится, что отрицательные последствия будут превалировать над положительными, то исправить положение будет уже трудно”. “Ну, почему же?” – усомнился Алексей Николаевич. «Хотя бы потому, – сказал я, – что при внешних связях любого органа с другими органами согласованные решения достигаются труднее, чем внутри своей системы и происходит это, как правило, за счет уступки чьим-то ведомственным интересам в ущерб государственным. “А это уже зависит в значительной степени от ав-

торитета и чувства ответственности председателя”», – заключил А.Н. Косыгин.

Когда мы вышли от Косыгина, и я пришел в свой кабинет, мне позвонил присутствовавший там по другому вопросу секретарь нашей первичной парторганизации В.И. Некрасов, который сказал мне разгневанным голосом: “Володя! Ты сегодня безобразно вел себя в кабинете Косыгина! Ты позволил себе спорить с Председателем Совета Министров СССР!” Мое пояснение, что я вовсе не спорил с ним, а лишь отвечал на его вопросы и реплики, с которыми он обращался ко мне, не нашло понимания у Некрасова. Думаю, что это произошло потому, что он выражал не только свою точку зрения, но и точку зрения нашего шефа, с которым он уже наверняка обменялся мнениями по этому вопросу.

Приятной неожиданностью для меня было то, что буквально через несколько минут после звонка Некрасова, мне позвонил заведующий группой по вопросам союзных республик А.А. Конюхов, очень порядочный и авторитетный в аппарате человек, в годы войны работавший заместителем Министра связи СССР, отвечавшим за надежность связи Ставки Верховного главнокомандования с командующими фронтами, а после войны работавший на других высоких должностях, в том числе в аппарате Совета Министров СССР. Он поздравил меня, как он выразился, “с блестящим выступлением сегодня на приеме у Алексея Николаевича Косыгина!” и добавил: “Молодец!”

В годы, когда почти все сотрудники боялись взять на себя инициативу и высказать свою личную точку зрения по тому или иному вопросу, мое скромное выступление вызвало столь противоположные оценки представителей двух разных направлений в аппарате: консервативно-бюрократического и инициативно-творческого, опиравшегося на новые научные знания и практический опыт. К сожалению, в этой борьбе не было организующего начала со стороны руководства аппарата.

Но вернемся к вопросу об образовании Комитета цен, который, конечно же, был создан, так как это было предreshено решением ЦК КПСС, и мое выступление у Косыгина, хотя и привлекло его внимание, но изменить что-либо уже не могло. Отмечу лишь, что сам Косыгин, проверив мою убежденность при отстаивании высказанной точки зрения, стал в дальнейшем относиться к моим выступлениям с повышенным доверием.

Добавлю, что позднее, при рассмотрении 4 апреля 1973 г. на заседании Президиума Совмина одного из ценовых вопросов, Алексей Николаевич поручил председателю Госкомцен Ситнину сделать необходимые выводы из высказанных на заседании критических замечаний, и в частности, по вопросу о координации с Госпланом СССР и Минфином работы по установлению цен и тарифов

что подтверждало обоснованность моих высказываний по этому вопросу.

В связи с созданием Комитета цен у нас в аппарате была образована референтура по ценам, курировавшая этот комитет и призванная рассматривать все вопросы, связанные с его деятельностью. Возглавлявший референтуру кандидат экономических наук И.К. Салимжанов полностью доверял мне и никогда не участвовал вместе со мной в работе над проектами решений Правительства, которые он мне приносил, чтобы выяснить мое отношение к ним. Узнав, что у меня имеются серьезные замечания по тому или иному проекту, он приглашал в аппарат кого-либо из руководящих работников Комитета (зам. председателя или начальника отдела и др.) и приводил их ко мне, оставляя нас разбираться с текущими вопросами. Сам же он стремился высвободить побольше времени для работы над своими печатными трудами и подготовкой к защите докторской диссертации. Так менялись наши роли в работе над проектами решений Правительства, определенные инструкцией.

Как-то для рассмотрения моих замечаний по проекту большого кодификационного проекта постановления Совмина СССР, касавшегося всех видов цен и тарифов на услуги и перевозки, он привел ко мне в кабинет М.Т. Помазнев, начальника сводного отдела Комитета, работавшего в последние сталинские годы (с марта 1949 г.) управляющим делами Совмина СССР и оставшегося в памяти тех, кто работал с ним, грозой аппарата. Салимжанов представил нас друг другу и, как всегда, удалился. По мере того, как я стал задавать Помазневу свои вопросы, я заметил, как в нем накапливается раздражение. И вдруг оно прорвалось: “Это же не Ваше дело, это не юридические вопросы!” – воскликнул он с нотой возмущения. Пришлось объяснить ему, что мы живем теперь в другое время и докладываем свои замечания по проектам постановлений Правительства непосредственно Косыгину или одному из его первых замов. При этом Алексей Николаевич нередко сам интересуется вопросами, подобными тем, которые я сейчас Вам задаю. Не получив же ответа на любой из них, всегда остается недовольным и указывает провинившемуся: “Вы должны были задать этот вопрос и выяснить ответ на него прежде, чем приходить ко мне”. Вот почему нам приходится теперь выяснять все, что в этом проекте изложено недостаточно ясно. Например, в этом проекте предусматривается, что Минстанкопром утверждает оптовые цены на формовочные пески. Хотелось бы знать, будут ли эти цены обязательны только для предприятий его системы или для всех предприятий, выпускающих формовочные пески, независимо от их ведомственной принадлежности? Помазнев мне тут же ответил, что формовочные пески выпускаются только предприятиями Минстанкопрома. “Насколько мне известно, – сказал я, – это не совсем

так. Но давайте проверим” Я тут же позвонил ст. референту, возглавлявшему в то время группу специалистов по Минстанкопрому, и попросил его уточнить для нас этот вопрос. Буквально через несколько минут он сообщил, что имеется 5 министерств, предприятий которых выпускают формовочные пески, но основной объем этой работы выполняется предприятиями Минстанкопрома. Бывший Управляющий делами Совмина вынужден был согласиться с необходимостью соответствующей поправки проекта. “Так можно ли сказать, что этот вопрос не носит юридического характера?” – спросил я. Помазнёв ничего не ответил.

Не могу оставить без внимания одну деталь, связанную с тем, что как раз в это время ко мне зашел с каким-то вопросом Мишунин и, увидев Помазнёва, расплылся в улыбке и сказал, боясь, видимо, подать руку: “Ты что же, Михаил Трофимович, даже не зашел ко мне... поговорили бы”. Надо было видеть, каким волнующим для Помазнёва был этот момент. У Помазнёва навернулись слезы на глазах, но он не выразил удовольствия от этой встречи и даже не повернулся в сторону Мишунина и не сказал ему ни слова. Видимо, он хорошо знал цену этому, в прошлом подчиненному ему работнику, который когда-то раболепствовал перед ним, а теперь снисходительно приглашает на встречу, хотя у них, наверное, нет ничего общего. Помазнёв лучше других знал подлинную цену Мишунина и понимал, что с таким человеком ему не о чем говорить. Такой разговор означал бы для него еще большее самоунижение.

В другой раз из референтуры по ценам ко мне пришел В.В. Петров с проектом постановления “О повышении закупочных цен на пушнину, добываемую охотой”, с целью увеличения ее заготовки. Выразив сомнение, что с помощью повышения цен можно решить этот вопрос, я предложил ему запросить из объединения “Союзпушнина” данные о том, как отражались на заготовке пушнины в предшествующие годы повышенные закупочные цены на нее”. “Зачем это нужно?” – возразил он мне и продолжал: “Проект представлен пятью министрами. Они получают зарплату побольше моей. Вот пусть они и думают об этом”. На этом мы и расстались.

Тогда я решил запросить эти данные самостоятельно. Вскоре, получив их, увидел, что после некоторых решений о повышении закупочных цен на пушнину заготовка отдельных видов не только не увеличилась, но даже уменьшилась. По ряду других видов пушнины она осталась на прежнем уровне и только по некоторым видам несколько увеличилась. Мне было известно также (из литературных источников), что отстрел соболя после того, как к началу 30-х годов XX в. поголовье было почти полностью уничтожено, теперь производится только по лицензиям и не более определен-

ного количества в год. Естественным был вопрос, зачем же повышать цены на шкурки соболя, если увеличить заготовку их все равно нельзя? Не решал проблемы, с моей точки зрения, и пункт проекта, предусматривавший поставку Центросоюзу что-то около 25 тыс. тонн охотничьего пороха, тем более что трудностей здесь, по-моему, не должно было возникать. Пришлось позвонить нашему специалисту по боеприпасам и спросить его, неужели наша оборонная промышленность, обеспечившая удовлетворение потребностей советских войск в боеприпасах в годы Отечественной войны, не в состоянии удовлетворить нужды Центросоюза в охотничьем порохе, в связи с чем приходится включать в проект постановления Правительства такой вопрос. Он обещал мне все выяснить и тут же позвонить. Действительно, через несколько минут он сообщил мне, что промышленность может поставить Центросоюзу, если это необходимо, охотничьего пороха во много раз больше того, что предусмотрено в проекте.

Удалось выяснить, что причина плохого снабжения охотничьих хозяйств порохом заключается в другом, – в том, что в сельских магазинах системы Центросоюза не созданы требуемые милицией условия для хранения пороха, в частности в них нет металлических шкафов для этой цели. Изучая далее причины, отражавшиеся на объемах заготовки пушнины, добываемой охотой, удалось узнать, что многие наиболее богатые зверем охотничьи угодья переданы в последние годы добровольным охотничьим обществам, которые заданий по заготовке пушнины не имеют, а в угодьях, прилегающих к территории охотничьих хозяйств, зверя уже мало, он ушел в глубинные районы леса, куда охотников надо доставлять на вертолетах, которых, к сожалению, не хватает. Картина для меня стала ясной. При подготовке проекта все эти обстоятельства не были выявлены и учтены, в результате чего проект оказался недоброкачественным. На доклад к К.Т. Мазурову, замещающему Председателя Совмина, каждый из нас пришел со своей оценкой этого документа.

Как всегда, докладывать вопрос полагалось отраслевому специалисту. Петров пересказал доводы в защиту проекта, высказанные министрами и руководителями ведомств, представившим его в Совет Министров СССР, и предложил принять этот проект.

Мне пришлось заметить, что не все так бесспорно в данном проекте, как об этом доложено. Прежде всего следовало бы глубже проанализировать цель проекта, ради чего он разработан? Если верить тому, что сказано в самом проекте и в обоснованиях к нему, то с его помощью должна возрасти заготовка наиболее ценной пушнины, добываемой охотой. Но тогда следует иметь в виду, что авторы проекта пытаются достичь ее негодными

средствами. И, далее, мне пришлось изложить доводы, приведенные выше. Если же истинной целью проекта является повышение доходов охотничьих промысловых хозяйств и заработков охотников-промысловиков, то об этом надо прямо сказать. Однако в этом случае вопрос необходимо, видимо, рассматривать заново.

Ряд замечаний по проекту высказали также заместитель Управляющего делами К.Н. Селиванов и сам Управляющий М.С. Смиртюков, после чего Кирилл Трофимович сказал: “Ну, если вы все настроены против этого проекта, то давайте снимем его с обсуждения”.

Честно говоря, мне было очень жаль, что проект не будет рассматриваться на заседании Президиума, так как руководителям, представившим проект, и непосредственным исполнителям, готовившим его, всегда следовало бы знать не только само такое решение, но и мотивы, по которым оно принято. Опыт показывает, что без этого урок ими не усваивается и, спустя какой-то промежуток времени, те же вопросы включаются в другие проекты и вновь вносятся на рассмотрение Правительства. Да и упрек за некачественную подготов-

ку внесенного в Совмин проекта был бы полезен всем присутствовавшим на заседании.

Конечно, была и другая возможность уведомить исполнителей о причинах снятия проекта с обсуждения. Для этого следовало бы пригласить их в правительственный аппарат и рассмотреть более детально все недостатки проекта. По некоторым проектам мы с отраслевыми специалистами, с которыми у нас был хороший контакт, так и работали.

Заниматься ценовыми проектами, контактируя с Петровым, мне больше не пришлось. Его вскоре повысили в должности, назначив заместителем заведующего Секретариатом заместителя Председателя Совмина СССР З.Н. Нуриева, ведавшего вопросами сельского хозяйства. Поскольку меня это весьма удивило, так как я знал за В.В. Петровым немало и других отрицательных качеств, я поинтересовался у одного из его сослуживцев по референтуре, чем вызвано такое, как мне казалось, малообоснованное решение, на что тот ответил: «Помогла “лохматая рука”». Главным, получается, было содействие, оказанное Петрову его близким родственником, работавшим заместителем Министра сельского хозяйства СССР.

(Окончание в следующем номере)